

— А всё-таки хорошо, что у тебя случился рак!

Простодушное заявление любимой дочери роняет из моих рук только что вымытую тарелку. Она с шелестом разлетается на мельчайшие скальпельные осколки, превращая поверхность пола вокруг босых ног в минное поле. Прошептав механическое «на счастье», я болезненно застываю.

— Мама, ты не поранилась?

— Нет, дорогая, всё нормально. А почему ты считаешь, что это хорошо?

— Ну как. Ты целую книгу написала! А если б не рак, то, наверное, и не решилась бы никогда.

Прежде чем бурно возмущаться кощунству такого умозаключения, я пытаюсь логически оценить услышанное и неожиданно прихожу к выводу: а ведь она совершенно права... Детская непосредственная логика, не покрытая сажей боли и человеческих страданий, выдала свою собственную откровенную истину.

Да, рак — хищная болезнь. Безжалостная и некрасивая. Но для меня она оказалась вдруг продуманно щедрой. Именно благодаря ей я пересмотрела всю свою Жизнь чуть ли не с самого рождения. Выметая ненужное, проживая важное.

Именно благодаря ей я познакомилась с удивительными людьми, которые оставляют в моей душе простые по своей мудрости и мудрые по своей простоте отпечатки.

Именно рак бесцеремонно пнул меня порываться в своих способностях и откопать там запылившееся желание облачить свои чувства и эмоции в литературную мозаику слов.

Оказывается, времени очень мало. Оно так быстро и незаметно кончается, как вкусное хрустящее лакомство в непрозрачном пакете: никогда не поймёшь, сколько там осталось. Кажется, что много и ещё надолго хватит. Ты с упоением поглощаешь его, даже если не голоден. Угощаешь всех, а иногда и тех, на кого тратить запасы не стоило вовсе.

А потом пакет внезапно рвётся, и содержимое начинает стремительно рассыпаться, разлетаясь в пустоту. И вот уже пальцы ощущают только горстку, и теперь уже каждая крошечка на счету.

Вдруг начинаешь чаще улыбаться. Воздуху. Солнцу. Небу. Бездомной собаке, которая самоуверенно пометила колесо твоей машины. Даже нудный комар становится приятным: раз сел на тебя, значит, есть что пить, значит, живая.

Очень быстро, без всяких тренингов и продвинутых коучей, усваиваешь, что радоваться можно любому результату, каким бы он ни был.

И где я раньше была?

Стелла Быковская

Посвящается моей маме, моей дочери и двум замечательным женщинам: Ирине Ратовой и Светлане Калининой, которые, сами того не подозревая, вдохновили меня поделиться этой историей. Она написана и для меня самой — как возможность заново прожить свою жизнь, и для людей, которым события и чувства покажутся близкими. Все имена родные и, как принято оговариваться на старте, основано на реальных событиях.

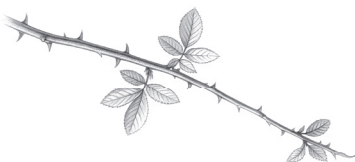

Я сидела у нотариуса и внимательно читала документы. Они лежали на столе высокой стопкой, своей белизной и торжественностью напоминая торт «Наполеон». В стакане устало толпились шариковые ручки, чуть поодаль стоял графин чистой воды. На всякий случай.

У окна на мягком кожаном диване улыбчиво напряжённо ожидал завершения процедуры молодой человек, будущий обладатель моего бизнеса. С внешностью Аполлона и головой, переполненной до краёв мускулистым умом, способным выдавливать из любой возможности деньги.

Сегодня был особенный день — ровно 12 лет назад я основала своё дело, фирму по обезвреживанию опасных отходов. Сложный и совершенно не женский бизнес со своими подводными камнями, длинным списком проверяющих и постоянной тактической борьбой с конкурентами.

12 лет я заботливо растила своё детище. Умственно кропотливая и изнуряюще физическая работа занесла качество услуг на порядок выше общепринятого. Чёткость и пунктуальность исполнения заявок стали нашей визитной карточкой, внушающей доверие даже крупным государственным корпорациям. По крупинкам собранная безупречная репутация сплавилась в медаль и гордо повисла на широкой ленте — в экологических кругах меня признали авторитетом, начали пригла-

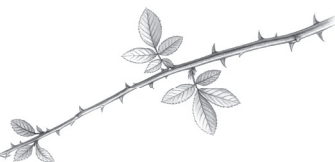

шать на совещания в министерства, звали читать лекции в институты.

Тихий шелест бумаги. Я переключивала страницу за страницей, каждым росчерком витиеватой подписи вверяя судьбу компании в руки неизвестности. Наступало трудное время. И понимание, что на всех моих знаниях, прозорливости и чувстве юмора честно лавировать по волнам океана мусорного бизнеса становится всё сложнее. В нём бодро сновали упитанные, но вечно голодные акулы-конкуренты. Кроме того, замаячил айсберг круто изменившегося законодательства, о который я запросто могла нечаянно разбиться.

К этому моменту у меня в жизни скопилось практически всё, чтобы считать её успешной. Два высших и вполне полезных образования, нестыдная карьера, один официальный и один запутанный брак, любимая дочь, brutальный автомобиль, небольшая коллекция ликвидной недвижимости и солидные запасы причёсанного граблями опыта. Бизнес окреп и задышал без моего особого вмешательства, приближая давнюю, выточенную нищим трудовым детством мечту: ничего не делать и получать за это деньги. Ребёнок тоже рос, уверенно избегая тщетных попыток направить её на путь истинный. Вроде как жизнь удалась. Становилось даже немного скучно.

Для разнообразия увлеклась изучением китайского языка, которое постепенно переросло в амби-

циозную цель: довести знания до совершенства и начать преподавать детям. Преподавать красиво и грамотно, чтобы не научить ненароком подрастающее поколение запретным словам, перепутав едва уловимую тональность в пиньине¹. Правда, конечно, может и не вскрыться, но мало ли, вдруг из-под моей нетвёрдой педагогической руки вылетит птенец и напрямик отправится выстраивать международные отношения с Поднебесной, а там такие лингвистические запасы.

Видимо, где-то свыше узрели непотребную леность в моём поведении и решили круто изменить условия безмятежного пребывания на этом земном свете. С точки зрения стандартов благополучия я уже держала на руках все козыри, как вдруг меня усадили за стол и неожиданно предложили сыграть в шахматы.

Моим противником, скрывающим своё истинное лицо под маской, стал рак.

Теперь думать надо было быстрее — моей дочери всего шесть лет. Не по годам мудрый маленький человечек, который иногда вправлял мне мозги, мягко и ненавязчиво, не заслуживал внезапного исчезновения мамы. К слову, мозги мои, если просканировать, являлись пристанищем не только для гениальных идей, амбициозных мыслей и про-

¹ Запись звуков китайского языка (прим. авт.).

чего жизнеутверждающего добра, но и для толпы славных жирных тварей под названием «тараканы». В корнях своего родословного древа они наверняка имели предков, родившихся чуть ли не в самых моих пелёнках.

Периодически я предпринимала попытки идентифицировать каждого из этой усатой братии, чтобы распять и испепелить до пустого места. Одна моя подруга с практическим стажем по психологии пыталась мне в этом помочь, но не получалось: то ли орда была слишком большая, то ли я плотно зависла в стадии отрицания и неприятия методов помощи. В общем, не вышло.

С самого глубокого детства мне снился один и тот же сон. Он влезал в мои ночи настолько регулярно, что я привыкла к нему, как стареющая аристократичная дама — к вечерним чаепитиям. Из фарфоровой, идеальной формы чашки, украшенной сверкающей мельхиоровой ложечкой с таинственными вензелями.

Сон был тягучим, мутным и дрожащим. Будто я в пещере. Стены холодные и склизкие, что-то ледяное стреляюще капает на кожу, темнота киселем засасывает вглубь таинственных лабиринтов, пугающих своей неизбежностью. Кажется, что всё кончено, нет шансов, нет пути назад, точка невозврата. Как осознание секунды, заходящей в крутой поворот у обрыва на скорости 160. Не вырुлить.

Становится трудно дышать, и даже больше: низкие своды плачущей серой пещеры — это и есть твои лёгкие, они сжимаются, пульсируют в судорожном желании вырвать клочок свежего воздуха, но его нет. И вот ты ползёшь по пещере, обдирая колени, а щель удушающего лаза неторопливо плодит бесконечность пустоты и глубину осязаемой темноты.

На дне живота рождается ощущение. Оно знакомо — те самые бабочки. Если погрузить заледеневшие руки в чашу с горячей водой, низ живота

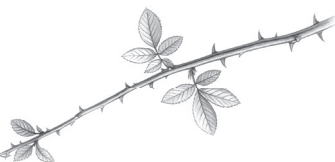
щекотно подворачивает. Это ощущение рождается где-то в лоне, цепляется за пупок и стремительно карабкается к горлу. Хочется крикнуть.

Я с удовольствием кричу, изо всей силы выталкивая лохмотья воздуха сквозь чувствительные складки голосовых связок, и просыпаюсь от собственного блуждающе-губошлёпного рыка.

Глубокий вдох ровняет сознание. В голове мелькает мысль: как долго ещё я буду скитаться по этой западне, когда уже меня отпустит?

Где-то через месяц сон повторится, точно под копирку, как идеальный близнец в руках старательной мамы. Головоломка, которую подбрасывает равнодушное бессознательное, не решена. Где-то есть выход, но я всё никак не могу сохраниться и начать с середины. И снова ночь избирательно погружает в сон, и снова я сижу в пещере, а серые ртутные стены переливаются, превращая безысходность в физическое существо, имеющее образ и фактуру.

В моей жизни всё в порядке, ведь всё хорошо? Или нет? Этот сон как чёрное пятнышко на белоснежной накрахмаленной ткани жизненного пути — торчит, режет глаз и расплзается в огромную кляксу, пачкающую идеальное всё. Нет универсального пятновыводителя, надо самой поискать, как вывести эту дрянь.

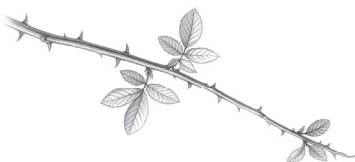
Обычный поздний ноябрьский вечер: традиционная кружка горячего чая с лимоном, редактирование нудно-умных документов в ноутбуке, души, чистка зубов — и вот она, покорная подушка.

Осторожно повертеться, боясь разбудить дочь, принять уютную позу, предвкушая долгожданный отдых. Подложить одну руку под голову, потому что нет ничего мягче собственной ладошки, второй рукой обнять себя до самых лопаток... и почувствовать странный камушек, упирающийся в запястье.

Сон мгновенно растворился в надвигающемся смутном предчувствии — я ощупывала в груди уплотнение, которого ещё вчера, как мне казалось, не было. Камушек скользил между пальцев, как крупная зрелая фасолина.

Время вдруг споткнулось и остановилось. Ночь загустела, лениво выталкивая сонную луну в спокойную гладь неба, где уже плавали равнодушно мерцающие звёзды.

Дочка сладко спала. Я пила на кухне бесконечный кофе, наблюдая, как у горизонта чернильная темнота медленно расступается, впуская неповторимые оттенки: густо-розовый неторопливо разбавляет индиго, сливается с ним, рождая бархатистый лавандовый цвет. Оранжевые, жёлтые, красные нити крупными стежками старательно вышивают изысканный

ковёр в том месте, где обнажённое солнце планирует свой откровенный выход.

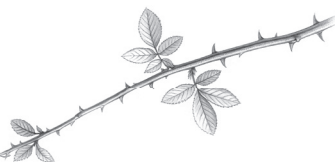
Первый луч, как факел, возвещает победу над тьмой, приглашая прожить этот новый день, каким бы он ни был.

Мой день обещал быть длинным. В 07:59 я набрала номер клиники. Запись к онкологу-маммологу оказалась крепко спаянной на полтора месяца вперед — не вклиниться. Меня поставили в лист ожидания и дежурно обещали перезвонить.

От количества выпитого кофе начинало немного мутить. Значение популярного выражения «валится всё из рук» я ощутила в полной мере: предметы не держались в пальцах, забывала, куда шла и зачем, не сразу понимала суть происходящего. Замедленная съёмка фрагмента жизни.

Главное — не дать себе погрузиться в панику, ещё ничего не известно, есть только камушек в груди и муторное ожидание визита к врачу. Там от меня отщипнут кусочек, в большой машине отвезут на исследование, и о результатах я узнаю по всем правилам. Может, это просто какой-нибудь жировик. От преждевременных страданий всё равно ничего не изменится, поэтому непрерывно варить эту проблему в голове я себе запретила. Она может свернуться в творог и серьёзно застопорить позитивные мыслительные процессы.

К врачу я попала только через три недели. Мария Львовна, высокая молчаливая женщина, водила дат-

чиком УЗИ по закоулкам моей молочной железы и внимательно оценивала черно-белый кисель, булькающий на экране монитора. Как врачи умудряются в этой картинке, полной хаоса, разглядеть физиологические элементы человеческого органа, меня всегда удивляло.

Она молчала. Водила туда-сюда толстую рукоятку, повторно намазывала ледяным гелем датчик, щёлкала переключателями на аппарате и снова крутилась в том месте, где притаилось нечто.

— Вот салфетки, можете обтереться и одеваться.

У меня слегка задрожали руки. Почему она молчит? Если всё плохо, сказала бы уже, зачем тянуть и без того звонкие нервы.

Распечатанный гляцевый снимок лёг на стол. Она взяла ручку, жирно обвела в круг тёмное пятно, чуть задержала дыхание, пристально разглядывая моё лицо, и ровным глубоким голосом произнесла:

— Буду говорить прямо: 99 процентов — это рак. По всем признакам. Сейчас мы с вами пройдем в процедурный кабинет, я возьму образцы. Придётся сделать разрез, иглой я не поймаю опухоль, слишком подвижная. Отправим на гистологию, возможно, результат успеет прийти до новогодних каникул.

Она ошиблась.

Не успел. Впервые заказанный для моих сотрудников ресторан в момент проведения корпоратива недо-

считался директора. Пластично улыбаться и фальшиво веселиться не хотелось — все бы заметили. Зачем портить людям настроение?

Праздник, который обычно ждут, чтобы оставить всё плохое в прошлом и войти в новый год со свежими силами, целями и желаниями, превратился для меня в изматывающее и бессмысленное ожидание. По большому счёту, мне уже не нужна была бумажка, я просто чувствовала — это оно.

Что такое рак, я знаю не понаслышке. Эта коварная болезнь, как варан, кусает своими челюстями, пускает слюни в нутро и ждёт, когда жертва будет наивно полагать, что сбежала, хотя на самом деле это всего лишь начало конца. Подлая память выковыривала страшные картинки последних минут мамы, которые я тщательно стирала, замазывала до дырки, как школьница с комплексом отличницы, внезапно подхватившей двойку: залить кислотой, вырезать кусок, сжечь и развеять по ветру.

Но нет, мысли лезли. Например, какое цепляющее совпадение — моя мама умерла от рака в ноябре, когда ей было 43 года, а мне в ноябре, в мои 43, повезло наткнуться на точно такую же опухоль. И ещё: что будет с моей дочерью, если я плотно увязну в этой истории? Это мне на момент ухода мамы было целых 17 лет, работала уже. А моей девочке всего лишь шесть наивных годиков, слишком рано для знакомства с такой реальностью.

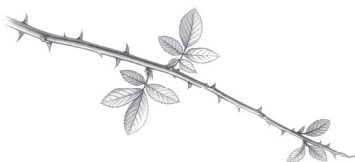

Месяц ожидания диагноза сыграл свою роль. Я успокоилась, накидала презентацию для продажи компании, подсчитала, как и когда я наконец сделаю ремонт в новой, давно отстроенной квартире. Простой лист бумаги с карандашным планом действий, который уже не стереть ластиком — буквы от нажима продавились, углубились в бумагу и настойчиво требовали исполнения.

И всё равно, получив заключение, в котором было написано «карцинома», я разрыдалась белугой и час не могла остановиться. Было жаль себя, жаль дочь, маму, жаль эту жизнь и всё, что могло в ней произойти. Жаль, в конце концов, этого яркого солнца, которое слепит мне в опухшие глаза и мешает рулить.

Машина для меня как антистресс: сажусь за руль и еду. Сто, двести километров, разворачиваешься — и обратно, лишь бы видеть ниточку дороги, за которую цепляешься и точно знаешь — она тебя выведет, а верный железный конь под тобой тебя вывезет. Звук двигателя, шум покрышек. Мантра. Не надо посторонних звуков в виде глупой попсы, рекламы прокладок и лекарства от геморроя...

Жизнь научила не раскисать надолго, можно утонуть в чмокающей трясине горестных переживаний, из которой вытянуть потом сможет только хитрый психолог. Максимум — день, может, два. А в данном случае время играло против меня. Поход в областной онкологический центр поверг меня в ужас: если я тут останусь, можно сразу покупать белые тапочки, наде-

вать их и уже далеко не уходить из этих душных коридоров — перспективы на скорость нулевые. Я не думаю, что в этом заведении работают плохие врачи, просто то количество людей, которое я увидела там, не давало шанса — я не успею.

Надёжно придувши голос совести, грызущий упрёками «ты же молодая, там старушки сидят и ничего, терпят в очередях, дожидаясь своей участи», принялась искать максимально быструю дорогу к своему лечению.

— Папа, привет.

— Привет, мам, как дела?

Так мы с Женей, отцом моей дочери, называли друг друга.

— Присядь на что-нибудь мягкое, чтоб не повредиться, сейчас я тебе буду рассказывать последние новости на Плюке².

Мне нужна была помощь. Я не любила просить — испытание для меня, сравнимое с унижением, проявлением слабости. Ещё одна глупая ловушка, из которой с радостью кидаются спасать лекари души.

— У меня обнаружили рак.

Он отключил громкую связь и торопливо-бодро вдохнул в трубку: — Мама, ну ты чего удумала? С чего вдруг ты решила заболеть? Ладно бы чесоткой какой, почесали и баиньки. Ты давай прекращай, придумала тут.

Было слышно, как его закручивает тревога.

---

² Вымышленная планета из фильма «Кин-дза-дза» (прим. авт.).